

**СЕМЬ БЕД –
ОДИН АДЕПТ**

**НА ВСЕ ОТВЕТ –
ОДИН АДЕПТ**

НАТАЛЬЯ МАЗУРКЕВИЧ

**НА ВСЕ ОТВЕТ —
ОДИН АДЕПТ**
КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Мазуркевич, Наталья Витальевна.

М13 На все ответ — один адепт. Книга вторая / Наталья Мазуркевич. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-166963-8

Скука осталась позади, но теперь Ани готова многое отдать, чтобы вернуть прежние времена. Неназываемый повержен, Мортен Эншалт больше не слуга в ее замке, проблемы Доминики решены, и ничто не мешает богине тьмы наслаждаться жизнью. Ничто — кроме ревности и боли. И пусть вернуть Мортена к жизни было ее решением, сможет ли Ани отказаться от того, кто стал частью ее сердца? Да и сам Мортен так ли благодарен за возвращение в смертный мир?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166963-8

© Мазуркевич Н.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

Кротовое зарево рассвета прорезало полотно мрака, накрывшее мир. Еще немного — и брызги золотых капель потекут из стороны в сторону, унося чернильное небо в воспоминания.

Ани была бы рада избавиться от захвативших ее сознание мыслей, но, увы, она была обречена на вечную память. Обречена знать, от чего отказалась. Обречена на вечное одиночество. Таков был привычный порядок вещей, и изменить его никто не был в силах. Даже сама Ани.

Она перевела взгляд на тревожно ворочавшуюся Доминику, не находившую успокоения на узкой кровати, на притихшего на плече у нее, Ани, котенка — добровольно отданный Морьеном дар выбрал для себя такую форму. Ее верный слуга хоть так, но решил с ней остаться. И теперь, верно, маги узнают, что их коллега, даже лишенный своего могущества, того, что было его неотъемлемой частью, может жить. Дышать, ходить, радоваться жизни..

Ани до боли сжала кулаки, не жалея любимое тело. Она не заметила, в какой момент потекла кровь, орошая каплями сухие доски пола.

— М-р. — В плечо впились когти, заставляя отвлечься от охватившей ее злости. Ани моргнула, протянула ладонь, чтобы сбросить пушистого проходимца, слишком многое себе позволявшего, и медленно выдохнула, когда шершавый язык коснулся кожи.

— М-р? — Мордочка котенка была умилительно тревожной. Увы, Ани его старания не оценила. Двумя пальцами подняла хрупкое тельце и ссадила вниз. Выжидаяще на него посмотрела и тихо, обращаясь к самой себе, проговорила:

— Слишком о многом он будет напоминать... — Темное пламя, послушное своей госпоже, объяло ее фигуру, от босых ног до кончиков пальцев. Котенок замер, но взгляда не отвел. В его серых глазах отражалось пламя и рассвет. Он мог бы попытаться убежать, спрятаться под кроватью или прыгнуть к спящей Доминике, но он упрямо сидел и смотрел в глаза своей скорой смерти. — Совсем как он.

Ани отвернулась, успокаивая свой гнев и гася пламя. Бедное животное — хотя никаким животным чужой дар, выбравший для себя звериную форму, не был — упало на попу. Лапы разошлись в стороны, и, будь пол гладким, котенок прочертил бы на нем полосу, пытаясь подняться.

— Ты останешься, — вздохнула девушка и, повернувшись к зверю, подхватила его под грудкой. — Раз он этого хотел.

Ответ 1. Разочарование

А за окном плыли белые кучевые облака, бороздили бескрайнее голубое небо и отвлекали адептов от медитации. Третьей за день, поскольку и теологию с магистром Эстельдхеймом, и историю магии с магистром Теренсием отменили, а адептов отправили к Маленверу. Последний не сказать чтобы был рад этому обстоятельству, но стоически принял на себя удар, взяв весь поток и отправившись в парк медитировать. Повезло, конечно, не всем. Третья пара была общей лишь у светлых и темных, потому на лужайке, под холодным осенним ветром, остались сидеть лишь избранные — начавшие стучать зубами и бросать токсичные взгляды на общежитие люди. Ани же спокойно улеглась на холодную траву, не жалея казенного плаща, и смотрела вверх — на небо, облака и слетающие вниз листья.

Менталист расположился неподалеку. Как и большинство адептов — на коврике, который прихватил в аудитории. Впрочем, специалист уровня магистра Маленвера мог медитировать в любых условиях. Мог, но не любил.

Ани моргнула, и сонная муха, пожелавшая побродить по ее лицу, осыпалась прахом.

— Применение магии во время медитации недопустимо.

Магистр не оставил без внимания чье-то самоуправство. Чье-то, ибо почувствовать такое мелкое влияние на мироздание он не мог. К тому же до слуха девушки донесся чей-то взволнованный вздох.

— Ваша сила в состоянии и согреть вас, и уберечь от порывов ветра. Достаточно обратиться к ней внутри себя, — напомнил магистр. Ани хмыкнула: он говорил об этом не первый раз, но привыкшие влиять на окружающий мир — согревать воздух вокруг, высушивать влажную землю, вызывать огонь — первокурсники не могли пока принять его идей. Каждый нет-нет да и пытался облегчить для себя испытание, влияя на мир вокруг. Пытался — и был наказан.

Ани успела заметить, что к тем, кто пытался хитрить, природа становилась еще более враждебна. К ним слетались насекомые, на них падали холодные капли внезапного дождя, а ветер так и норовил содрать капюшон.

Доминика пока держалась, но побледневшая кожа заставляла Ани отслеживать состояние слуги. Пусть невзгоды окружающих и вызывали у нее одну лишь досаду, но Доминика была своей. Несмотря ни на что.

И Ани села, вперив задумчивый взгляд в магистра. Последний вздернул брови, интересуясь ее любопытством, и девушка кивнула на начавшую дрожать Доминику, неодобрительно при этом поджав губы.

— Достаточно, — то ли уступая желанию Ани, то ли из-за истекшего времени заметил магистр, одним плавным движением поднимаясь со своего коврика и щелчком пальцев сворачивая его в рулон.

Слаженный вздох облегчения вторил его словам. Правда, совсем скоро ему на смену пришли иные звуки.

За долгих четыре часа мышцы многих буквально одеревенели, а потому ныне с неохотой брались за работу.

— Ани, я попрошу вас задержаться.

Девушка только усмехнулась. Качнула головой, отпуская замершую в ожидании Доминику, и приготовилась ждать. Однокурсники на нее уже даже не косились: привыкли к постоянным замечаниям магистров и тому, что лорд Арельти, как порой называли Маленвера, вспоминая его фамилию, оставляет их незадачливую коллегу после своих пар.

— Чего вы хотите?

Она даже не взглянула на остановившегося рядом мужчину, наблюдая за семеневшими в корпус сокурсниками.

— Поговорить с вами, — признался светлый, присаживаясь рядом. — Коврик большой. Вам нет смысла сидеть на траве.

— Я так хочу, — равнодушно ответила девушка.

— Но ваше тело...

— Не пострадает, — оборвала его Ани и поднялась. — Если вы хотели обсудить лишь это...

— Нет. — Маг встал на ноги и одним движением заставил и ее коврик свернуться в компактную трубку. — Я бы хотел поговорить о вас.

— Обо мне? — Девушка обернулась к собеседнику, вздернув правую бровь. — Разве у вас нет других тем для разговора?

— Сомневаюсь, что вы захотите обсуждать возвращение к жизни Мортена Эншальта.

— Вы правы. — Ани поморщилась. — Не захочу. И вам рекомендую забыть все, о чем я вас спрашивала.

— Иначе заберете мою память, как поступили с ним? — спокойно, словно это его ни капли не вол-

новало, а вопрос был задан из простого любопытства, отозвался магистр.

— Возможно и так. — Ани шагнула к мужчине и посмотрела ему прямо в глаза. — Не заставляйте меня забрать вас. Один покинул Лабиринты, так почему бы мне не найти ему замену?

— Возможно, потому, что я ему заменой не стану, — медленно, словно шел по тонкому льду, ответил магистр, не пытаясь отвести взгляд.

Их молчаливый поединок взглядов не продлился долго. Ани моргнула, переводя все свое внимание за спину магистра. Там быстрым шагом, едва не срываясь на бег, шла по мокрой дорожке незнакомая Ани девушка. Впрочем, она была незнакомка только Ани. Заметив магистра, девушка изменила свой путь и в считанные секунды оказалась рядом, на расстоянии вытянутой руки. Нахмурилась, изучая Ани, но очень быстро потеряла к ней интерес.

— Ваша светлость, — незнакомка присела в реверансе.

— Леди Трина. — Маленвер учтиво кивнул и склонился над рукой, протянутой для поцелуя. — Вы прекрасны, как и всегда.

Ани, не слишком довольная происходящим, была вынуждена с ним согласиться. Несмотря на возраст — хотя для мага он был и впрямь незначительным обстоятельством, — стоявшая перед ней женщина выглядела лет на двадцать, не больше. Ни единого следа старости на лице.

Ани отвернулась, чтобы не выдать своего раздражения. А ей было отчего злиться. В отличие от Морьена, она память не теряла, потому имя незнакомки всколыхнуло в ней настоящую ярость. Леди Трина — та

самая леди, с которой ее слуга... Девушка сжала зубы, прикрыв глаза, чтобы разрушительное темное пламя не вырвалось наружу, уничтожая ту, что пришла покуситься на ее... уже не ее собственность.

Пальцы впились в ладони с такой силой, что поранили кожу, но эта жертва была ненапрасной. Разум возобладал, правда, чтобы в следующий миг оторопеть от изумления: ее обняли за плечи, привлекая к твердой груди и скрывая от чужих взглядов.

— Он у ректора, — поторопился свернуть разговор Маленвер. — Поспешите. Как только с формальностями будет покончено, Аркант собирался проводить его домой.

— Хорошо. — Ани буквально чувствовала заинтересованный взгляд леди, устремленный на них, но от любопытства девушка удержалась. И это заставило Ани снова испытать раздражение. Слишком хороша, слишком воспитанна и тактична была эта леди Трина.

Легкие шаги ознаменовали ее уход, но Маленвер и не думал отстраняться, придерживая Ани за плечи и давая в полной мере насладиться ароматом мужских духов. Увы, она не оценила: моргнула, уходя на границу, и прошла сквозь пытавшегося удержать воздух мага.

— Не стану я ее трогать, — буркнула недовольно девушка. Посмотрела вслед исчезающей в дверях леди и добавила: — Пока — не стану.

— Уже хоть что-то, — усмехнулся маг, но стоило ему поймать взгляд Ани, как улыбка померкла. — Мне жаль.

Лучше бы он этого не говорил. Слишком похожи были интонации, слишком понимающий взгляд, слишком... все слишком. Раздражение, преследовавшее Ани, начало разрастаться, стремительно набирая силу, питаясь ее болью и гневом.

Буквально за миг до того, как тьма хлынула вовне, уничтожая на своем пути все преграды, не делая разницы между людьми и предметами, Ани ушла.

Побледневший Маленвер, почувствовавший, какая катастрофа чуть не разразилась от его слов, вытер платком холодный пот со лба и сглотнул. Нехорошее предчувствие, поселившееся в нем еще ночью, чуть не стало явью. И он ничего не смог бы изменить. Ни один человек не смог. Человек..

В задумчивости мужчина быстрым шагом покинул парк и направился к наставнику. Если кто-то и мог найти выход, то лишь магистр Эстельдхейм.

Раскаленный песок немного остудил ее гнев. Ани поморщилась, шагая обратно на границу и уберегая тело от дальнейшего разрушения. Обожженные ноги стремительно восстанавливались, но она этого не чувствовала. Она пыталась разобраться в себе. Пыталась — но ничего не выходило. Даже избавившись от Морьена, сослав его к смертным и забрав память, она не добилась своего. Решение оказалось неверным. Для нее.

— Я бы мог помочь тебе. — Насмешливый голос того, кто не заслуживал существования, вторгся в ее мысли.

Ани обернулась.

С их последней встречи Каалис мало изменился. Смутная кожа, ряд тонких косичек с бусинами на концах, кожаный браслет, обхвативший тонкое запястье, и прищуренные узкие глаза, в которых ныне было не разглядеть зрачков.

— Мне не нужна ваша помощь, — отрезала Ани, но... не ушла.

Каалис усмехнулся и сел прямо на взметнувшийся и мгновенно затвердевший песок.

— А мне казалось, что очень нужна.

— Что только не примерещится в пустыне, — хмыкнула Ани, но осталась на месте. И это было самым очевидным ответом: она ждала продолжения. Какие бы слова ни срывались с ее уст, она хотела знать, что готов ей предложить двуликий бог любви.

— Верно, — усмехнулся мужчина. — Даже богиня тьмы, готовая уничтожить все из-за своего разбитого сердца.

— У меня нет сердца, — напомнила Ани прописную истину. — И первым, что я действительно уничтожу, будешь ты — причина моего дурного настроения.

— Как страшно!.. — Каалис поднял руки, демонстрируя раскрытые ладони. — Ты так меня пугаешь.

— Зачем ты пришел? — Ани прищурилась. — Тюрьма Неназываемого ныне пустует.

— Не угрожай мне.

— Не провоцируй.

— Что ж.. — Каалис вытянул вперед ноги, потянулся, растягивая и тело, и время, а после предложил: — Хочешь, я сделаю тебе подарок? Даже просить не придется. Твой слуга больше не сможет любить. Никого. Ни одну смертную женщину, сколько бы из них ни добивались его внимания, сколько бы ни пытались обольстить, сколько бы..

— Мне. Это. Не нужно. — Тому, кто услышал бы сейчас голос Ани, холодный ветер Лиера показался бы легким бризом.

— Отчего нет? — Бровь Каалиса взметнулась вверх. — Он оставил тебя, он заслуживает *кары*. Все будет по справедливости..

— Не тебе решать, что справедливо для моих слуг! — зло выдохнула Ани, делая шаг на раскаленный песок. Вот только больше она не чувствовала его жара. Темное пламя охватило ее фигуру, закружилось вокруг, превращая песок в темное стекло.

— Бывших слуг, — Каалис поморщился от столь явной угрозы. Он, в отличие от коллег, так прямо влиять на окружающий мир не мог. — Хочешь подарить аонам источник темного стекла? Даже без жертв с их стороны?

— Отчего же без? — Ани усмехнулась. — Одну жертву я готова принять. Их бога. Не видел здесь такого?

— Разминулись, — покачал головой Каалис, то ли отвечая на вопрос, то ли осуждая переход на силовую сторону решения конфликта. — И я ухожу. Но... несмотря на твое пренебрежение, я, пожалуй, окажу тебе услугу.

— Исчезни — этого будет достаточно.

— Склоняюсь перед вашей волей.

Собеседник шутовски поклонился и наконец исчез.

Ани перевела взгляд себе под ноги и поморщилась. Всего пара минут ее гнева обеспечила близлежащие племена золотом на пару лет вперед. Если, конечно, они успеют найти темное стекло до того, как его скроет пустыня.

Девушка поморщилась и вновь ушла на грань. Не ее забота помогать смертным разбогатеть. Хотя... она обернулась, и подвластное ее желанию стекло заострилось, давая понять, что так просто неожиданный подарок богов никому не достанется. Придется заплатить. И заплатить кровью.

Октавир Эстельдхейм старался не смотреть на своего собеседника, но взгляд нет-нет да и соскальзывал вверх, на непривычно молодое лицо его визави. Тот

лишь усмехался, благосклонно принимая внимание потомка.

— Светлейший... — выдохнул бывший служитель, не зная, с чего начать. Пусть он и искал встречи с покровителем, оказавшись с ним наедине, мысли словно перепутались, столько всего он должен был рассказать великому предку.

— Довольно. — Кардалис поморщился и опустился в кресло. Закинул ногу на ногу, хмыкнул своим мыслям и поинтересовался: — Ани не создает вам проблем?

Магистр Эстельдхейм побледнел. Вопрос был не просто с подвохом — он весь был сплошной подвох.

— Тьма милосердна, — уклончиво ответил маг, не желая вдаваться в подробности. Слишком уж хорошо бывший алер был осведомлен о снисходительности Ани-Арли и мстительности своего бога.

— Вот как... — протянул блондин и внезапно подался вперед, принюхиваясь. Прикрыл глаза, вдыхая одному ему доступный аромат, и насмешливо пояснил: — Моя дорогая коллега чуть не сорвалась.

— Чуть?.. — Лицо магистра Эстельдхейма побледнело, казалось, сравнившись с его седыми волосами.

— Самую малость. — Кардалис практически свел вместе большой и указательный пальцы своего молодого воплощения. Он не любил им пользоваться, но ныне ситуация требовала уступок. Все же в академии находилась Карин. Да и сама Ани... Что бы ни предписывала ему молва, к своей темной коллеге Кардалис относился... с пониманием.

Торопливый стук в дверь разорвал повисшее в комнате молчание. Магистр Эстельдхейм вопросительно взглянул на собеседника, и тот снисходительно кив-

нул, позволяя гостю присоединиться к их беседе. Для него не была загадкой личность визитера, как и вероятная причина его тревоги. И этим менталист уже заслуживал толику если не уважения, то снисхождения своего покровителя.

— Входите, юноша. — Магистр Эстельдхейм взял себя в руки, возвращаясь к привычной роли наставника. — Вы так торопились ко мне. Что разрушило ваш покой?

— Ани... — выдохнул светлый, но уточнять не стал. Прищурившись, он смотрел на вольготно устроившегося в кресле наставника незнакомца. — Вы нас не представите, учитель?

— Альбин Кентор. Целитель, — незнакомец усмехнулся, — из Азарлена.

— Мой давний друг, — поспешил вмешаться магистр Эстельдхейм.

— Вот как... — Маленвер нехорошо прищурился. — Азарлен, значит.

Он чувствовал недоговорки в словах наставника, видел снисхождение в глазах гостя и чувствовал такую знакомую мыслительную тишину, к которой даже начал привыкать, имея дело с Ее Темнейшеством.

— Не упорствуй, мальчишка, — одернул бывшего ученика потомок Светлейшего. Маленвер нехотя кивнул. Выводы, которые он сделал, все равно должны были быть очевидными и для его бывшего учителя, и для гостя, если менталист рассудил верно.

— Вам не откажешь в сообразительности, — хмыкнул тот, кто выбрал себе новое имя. — Но я бы предпочел, чтобы ради моего присутствия не собирали весь преподавательский состав, отрывая от написания планов. Боюсь, их коллективная ненависть способна повредить даже мне.

— Вы хорошо осведомлены о специфике нашей работы, — отметил Маленвер, продолжая стоять у порога. Неожиданная мысль, посетившая его, требовала действия, и он решил рискнуть: — Не желаете ли продолжить преподавательскую карьеру?

Звонкий смех сорвался с губ светлейшего гостя. Магистр Эстельдхейм бросил быстрый взгляд на молодого коллегу, но сказать что-либо не успел. Смех оборвался как не бывало, и снизошедший до бесед с потомком бог кивнул:

— Пожалуй, проявлю снисхождение. — И повелительно добавил: — Но прежде отведите меня к вашему очнувшемуся другу. У меня есть что ему предложить.

Кириан Анстелир заканчивал опрос. Казалось бы, типичная процедура, повторять которую ему приходилось не единожды, но стража ощутимо — хорошо еще, что только для него самого, — трясло. Сердце срывалось на бег каждый раз, когда он слышал знакомый голос из уст сидевшего напротив мужчины. Седого, как это часто случалось с темными магами, не оценившими границ своей силы, и очень уставшего.

— То есть вы утверждаете, что не помните подробностей проведенного вами ритуала, послужившего причиной вашего затяжного отсутствия? — в последний раз уточнил Кириан, проходясь глазами по конспекту беседы. Ни единого упоминания об Ани-Арли не сорвалось с губ очнувшегос... неодаренного. Словно он и не со службы вернулся.

— Сожалею, но нет, — непреклонно ответил Мортен, и сам его тон давал понять, что он лжет, но делиться подробностями самоубийственного поступка не станет.

— И вы не знаете, что предшествовало вашему возвращению в мир живых? — допытывался страж.

— А вы, я полагаю, об этом осведомлены? — Бывший слуга Темнейшей вздернул пересеченную шрамом бровь.

— Не более вашего, — поморщился Кириан. Благо, артефакт, подтверждавший истину слов, был настроен не на его ауру. — Что ж, вопросов более не имею. К вам.

Кириан перевел хмурый взгляд на стоявшего у окна темного. В отличие от своего удачливого коллеги магистр Аркант Раоден простым вопросом вряд ли отделается. Слишком сильным было эхо от поддерживавших его коллегу чар, чтобы у стража не появились вопросы.

— Магистр?

Голос Кириана заставил Арканта поморщиться и обернуться. Не сказать чтобы он не ожидал вопросов, но был бы рад отложить беседу со стражем на потом. Увы, таким людям, как Кириан Анстелир, не отказывали, если не хотели сменить обстановку с кабинета ректора на одиночную камеру в управлении.

— К вашим услугам, — усмехнулся мужчина.

— Где мы можем поговорить? — уточнил Кириан, бросая косо́й взгляд на прислушивавшегося к словам обоих Мортена.

— В моем кабинете, — легко пошел на поводу у стража Аркант, кивая в знак признательности.

— То есть у вас обоих есть от меня секреты? — усмехнулся наблюдавший за представлением Мортен.

— Скорее от твоей невесты, — покачав головой, заметил Аркант. — Кузина уже миновала ворота. Еще пара минут на вежливость — и она будет здесь. Увы, мы с лордом Анстелиром не имеем права обсуждать рабо-

чие вопросы в присутствии непосвященных, — пояснил темный, но, судя по тому, как сузились глаза друга, он не поверил его словам. Вот только выбора, едва дверь распахнулась, являя всем присутствующим леди Катрину Раоден, у Мортена не осталось.

Он не успел объясниться с ней до ритуала, не ожидая таких последствий, а потому леди Трина до сих пор считалась его невестой. Более того, невестой, дождавшейся своего жениха из Лабиринтов Аскольда, что в глазах общества наверняка сделает ее практически святой.

— Тэн... — всего одно слово сорвалось с губ Катрины. Недоверие, отчаянная надежда, страх ошибиться — чего только не было в ее голосе.

— Трина, — устало, даже обреченно выдохнул Мортен, с трудом удерживаясь от того, чтобы не поморщиться.

Глаза девушки наполнялись слезами. Так быстро, словно наступил сезон дождей, вынуждая реки выйти из берегов и затопить все доступное им пространство. И, как и всякая стихия, женские слезы не поддавались обузданию.

— Трина... — Мортену пришлось подняться и подойти ближе, обнять вздрагивавшую в рыданиях девушку, прижать к груди, давая очередное подтверждение своей материальности, и тихо прошептать: — Все хорошо. Я вернулся.

— И больше не уйдешь? — Она посмотрела на него глазами, полными надежды.

— Пока Темнейшая не призовет меня, — спокойно ответил Мортен и нехорошо прищурился, заметив, как закашлялся Кириан, да и на лице старого друга и соперника появилась непонятная задумчивость.

— Пойдемте, — тихо позвал Аркант, кивая стражу на дверь. — Им нужно поговорить, да и нам есть что обсудить.

Кириан торопливо согласился и первым покинул кабинет ректора. Ему было неприятно. Не оттого, что мужчина и сам не любил женские слезы, но картина утешения, представшая перед ним, вызывала острое неприятие, как плохая игра актеров. И он бы с радостью встал и вышел из зрительного зала, но понимал, что даже поспешное бегство из кабинета не избавит его от начавшегося спектакля.

В коридоре дышать стало немного легче. Кириан ослабил верхнюю пуговицу рубашки и глубоко вдохнул.

— Вам не понравилось зрелище? — вопросительно вздернул бровь Аркант, останавливаясь рядом и опираясь спиной о стену. На собеседника он подчеркнуто не смотрел.

— Не мой жанр, — Кириан поморщился. — Хотел бы я видеть подобные воссоединения — пошел бы в иное ведомство.

— У вас были все шансы, — усмехнулся темный, давая понять, что еще не забыл адепта Анстелира и его тягу находить покойников там, где их быть не должно. Особая способность, которую многие считали проклятием, путая причину и следствие обновления контингента мертвецкой.

— Внутренняя стража ближе моим убеждениям, — холодно отозвался Кириан, насупившись. Раздражение, которое вызывал Аркант, с каждым его словом набирало обороты в душе темного. — Идемте. Я должен получить пояснения: откуда на вашем друге следы чужих источников.

— Я их купил, — легко, будто не раз прокручивал для себя этот вопрос, ответил Аркант, не двигаясь с места. Теперь, когда друг не мог услышать его слов, магистр не видел необходимости уходить. Напротив — собирался проследить, чтобы посторонние не мешали общению его друга и кузины.

— Вот как? — Кириан криво усмехнулся. — Так легко признаетесь?

— А чего мне бояться? — вернул ироничную усмешку собеседнику темный. — Артефакт подтвердит искренность моих слов. Покупка чужих источников пусть и неодобряемое действие, но вполне законное. Особенно для темного мага моего уровня. К тому же, принимая во внимание, что все они были использованы для поддержания жизни одного из выдающихся магов нашего времени...

— Он больше не маг, — оборвал его Кириан.

— Но он был им, — пожал плечами магистр. — И мог принести огромную пользу стране своими исследованиями. Впрочем, даже если Мор больше не сможет обращаться к дару, его предыдущие заслуги окупят тот ущерб, что был мною нанесен.

— Мне нужны списки продавцов, — потребовал Кириан. Увы, как бы он ни был раздражен признанием собеседника, последний был прав. Без прямых доказательств того, что он лично участвовал в отъеме чужого источника, судить мага его уровня не позволит корона. Слишком полезен для страны магистр, слишком многое ему готовы были спустить.

— Описания мест, где их можно найти, большего не просите. Те, кто занимается подобным, не любят демонстрировать лица и сообщать имена.

— И вы вернете все «купленные» источники.

— Забирайте, — легко согласился Аркант и, переводя взгляд на дверь кабинета, заметил: — Теперь они мне без надобности. — Кириан промолчал. — Позже я провожу вас в подвалы.

— Я и сам могу найти дорогу, — понимая, что так просто магистр не покинет свой наблюдательный пост, предложил Кириан.

Темный неопределенно пожал плечами. Его вниманием завладели трое, поднимавшиеся по лестнице. И если двоих из них Кириан знал — магистры Октавир и Маленвер успели выпить немало его адептской крови, — то лицо третьего не было ему знакомо.

Судя по чертам лица, перед Кирианом был азарленец. И если бы не цвет глаз — темный, если не сказать черный, как вулканический песок, очень редкий для представителей дружественного народа, — страж даже не задумался бы о его связях с иными народами. Но, видимо, кто-то из его предков не слишком чтит традиции и смешал кровь с выходцами из Пары или с кем-то из племен, населявших пустыню. Был еще вариант с темным даром, демонстрирующим себя таким образом, но сродства к тьме Кириан в новоприбывшем не чувствовал, а вот к свету — еще как. И зачем целителя привели к потерявшему дар магу? Выяснить, сколько ему осталось жить?

Тонкие губы гостя скривились в предупреждающей ухмылке, словно он знал, о чем думает страж. Или не словно? Насмешка в глазах незнакомца, легкий наклон головы вкупе с тем, что привели незнакомца Октавир и Маленвер... Он определенно был опасен.

— Идите, — вмешался в молчаливое противостояние бывший жрец, кладя руку на плечо Кириану и заглядывая тому в глаза. — Идите, здесь ваша миссия закончена.

— Я сам...

— Не спорьте, молодой человек. — В голосе магистра Октавира лязгнула сталь, а в глазах появилось предупреждение. Нехорошее такое, из тех, что ставили не перед погостом, а в самом его центре, давая понять, что без неприятностей покинуть его не суждено никому.

— Академия справится без вашего вмешательства, — обреченно вклинился в разговор Маленвер. И Кириану следовало бы обрадоваться: с него сняли всякую ответственность за последствия «пробуждения» потерявшего дар темного мага, но...

— Я желаю присутствовать при разговоре Мортена Эншалта с неизвестным. — Кириан поджал губы и прямо посмотрел на молодого мага. Тот насмешливо усмехнулся, но влезать в разговор не стал, отдавая право разбираться с неразумным человеком... людям.

— Это не тот случай, — покачал головой менталист. — При всем желании...

— Идем, — Аркант неожиданно занял сторону светлых. На лице его играли желваки, словно он принял неприятное для себя решение. — Сможете и описать, и конфисковать часть артефактов.

— Идите. — Маленвер благодарно кивнул коллеге. — Я постою в коридоре, так что никто посторонний не войдет.

Темный маг кивнул, принимая заверения коллеги, и молча направился к лестнице. Стражу не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним: следовало забрать артефакты до того, как маг уровня магистра вновь получит к ним доступ. Сомневаться в том, что у него хватит умений испортить амулеты так, что уже никто не снимет с них полноценный отпечаток

дара, не приходилось. А потому Кириан торопливо шел следом за бывшим преподавателем и, глядя ему в спину, размышлял: как скоро тайна Ее Темнейшества выплывет на поверхность.

— Тэн...

Голос Трины все еще дрожал, как и руки, которыми она обнимала его, прижимаясь к груди и слушая бие-ние сердца. Она была рядом, теплая, живая, искренне радующаяся его возвращению, но... чужая.

Мортен прикрыл глаза, чтобы прильнувшая к нему девушка не могла заглянуть в них и увидеть... усталость. Его тяготило ее присутствие, голос, неуверенные объятия, переросшие в настоящую хватку, стоило ему не проскользнуть туманом сквозь ее пальцы. Поцелуй... Он не почувствовал ничего, кроме брезгливости. Почувствовала ли она? Возможно, но она готова была ждать. Лишний год, когда миновало уже столько лет, не страшил Трину. Она искренне верила: раз он смог к ней вернуться, сможет и вновь полюбить. А если и нет — она в силах ему помочь.

От необходимости врать Мортена избавил сквозняк, ознаменовавший, что у кого-то наконец кончилось терпение и он решил присоединиться, нарушая уединение пары. Мужчина незаметно перевел дыхание, наблюдая, как в кабинет заходят знакомые ему светлые и с ними... Нет, он не знал этого человека, пусть на мгновение ему и показалось иное. Не знала его и Трина, в недоумении воззрившаяся на Маленвера. Хотя, судя по виду менталиста, его вины в прерванном свидании не было.

— Леди, — магистр Октавир взял самую неприятную часть на себя. Впрочем, в его годы и с его поло-

жением он мог позволить себе даже императора выставить из монаршего кабинета, не говоря уже о благородной леди. — Внимания вашего...

— Жениха, — подсказала Трина с охотой.

— ...жениха, — повторил за ней магистр, — требуют дела храма.

— Но ведь?.. — леди попыталась возразить, но ее остановил третий, не знакомый Мортену мужчина.

— Не нам оспаривать Его волю, дитя, — заметил маг. Как по волшебству, в его руках оказались четки. — Светлейший пожелал, чтобы я навестил этого человека, и никто не вправе оспаривать его решение.

Мортен усмехнулся, про себя подумав, что утверждение... алера не совсем соответствует истине, но, чтобы избавиться от объяснения с Триной, он готов был потерпеть и служителя Светлейшего, хотя тот и не должен был претендовать на его душу и посмертие.

— Как благонравное чадо Его, подчинись воле Светлейшего. Оставь нас наедине с заблудшей душой, что получила шанс обратиться к Свету.

И погруженную в настоящий транс Трину, аккуратно придерживая за плечи, вывел в коридор Маленвер. Вывел и плотно притворил за собой дверь, оставаясь за пределами кабинета и нового разговора.

— Едва ли я заслужил Свет, — усмехнулся Мортен, смерив внимательным взглядом чересчур религиозного собеседника. — Никогда не замечал за собой ни добронравия, ни любви к ближнему.

Блондин тонко усмехнулся и заметил:

— А разве вы помните все?

— Все, что было до того, как эксперимент вышел из-под контроля.

— То есть до Лабиринтов Аскольда? — уточнил собеседник.

— Какое это имеет значение? — нахмурился Мортен и отметил, что неофициальный глава всех светлых академии, магистр Октавир, отошел к ректорскому окну, всем видом показывая, что его участие в разговоре не требуется.

— Самое прямое.

Улыбка собеседника стала до того насмешливой, что бывший темный почувствовал, как внутри поднимается злость. Поднимается и тут же прячется, подавленная его волей. Мортен удовлетворенно кивнул, отмечая, что контроль над эмоциями не ослаб за годы его отсутствия.

— И откуда вам, светлому магу, может быть известно подобное? — Мортен вернул насмешку собеседнику. — Мне всегда казалось, что Лабиринты и его порождения — вотчина темных, но, кажется, за годы моего отсутствия светлые решили изменить своему богу.

Он говорил тихо, но четко, давая понять обоим светлым, что не боится ни их покровителя, ни их самих. Магистр Октавир шумно выдохнул, но резких слов себе не позволил, еще раз подтверждая догадку Мортена о главенстве в посетившей его паре.

Смех разорвал повисшее в комнате напряжение. Незнакомец, откинувшись на спинку ректорского кресла, смеялся звонко, словно давно не слышал таких удачных шуток, и два недоумевающих взгляда следили за его весельем.

— Вы стали смелее, мой друг. Намного смелее, — отсмеявшись, заметил светлый, и черты его лица поплыли, словно воск, забытый на полуденном солнце. И вместе с тем, как менялось лицо посетителя, комнату за-

полняла сила. Чудовищная, пронизывающая все и вся, обжигающая сила светлого божества, еще не карающего, но решившего обозначить границы дозволенного.

Магистр Октавир покачнулся от хлынувшей к нему благодати, но поток шел, и бывший жрец опустился на одно колено. Так выносить присутствие покровителя стало легче. А Мортен сидел. Спокойно, будто божественная сила не доставляла ему никакого дискомфорта. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Интересно, — усмехнулся его собеседник и, по одному загибая пальцы, ослабил воздействие на мир. — Жаль, повторить не удастся.

— Повторить что? — вздернул бровь Мортен. Он не мог не заметить, как рухнул на колено Октавир, откликаясь на изменения во внешности гостя, но более ничего не изменилось для него. Свет будто прошел сквозь него, не обжигая, но и не наполняя источник.

— Вас, мой друг, — задумчиво отозвался светлый. Новое лицо — мужчины лет сорока, с первой наметившейся сединой на висках — подходило собеседнику куда больше.

— Вы называете меня другом, но я не знаю ни вашего имени, ни вашего лица.

— Имя — вы знаете, но не стану злоупотреблять вашим терпением и самоконтролем. Вы никогда не возносили мне хвалу, и едва ли что-то изменится теперь. Но, — мужчина усмехнулся, — Мое Светлейшество это переживет.

Мортен бросил быстрый взгляд на магистра Октавира, но старый жрец не стал оспаривать слова смутьяна, возомнившего о себе слишком многое. А значит...

— Мы были друзьями? — осведомился маг, прямо глядя на собеседника.

— В чем-то соратниками, — усмехнулся Далис, довольный отсутствием пиетета у давнего знакомого. Как и все Тени Ани-Арли, Морьен никогда ему не кланялся, и отчего-то Светлейший не хотел изменять эту традицию даже теперь, когда за спиной собеседника не стояла их общая головная боль.

— И в чем же?

— В сохранении мира и спокойствия. Но, мой юный друг, вы были слишком хороши в своем служении. Увы.

— Никогда прежде меня не упрекали в том, что я слишком хорош.

— Все бывает впервые. Признаться, и я не ожидал, что когда-нибудь буду вести беседы с темным магом.

— Я потерял дар.

— Отчасти, — согласился Кардалис. — Вы утратили свой дар как мага, но сохранили часть способностей слуги.

— И кому же я успел послужить?

Мортен прищурился. Несмотря на иронию, без которой не обошлась ни одна из реплик, ответ на последний вопрос его действительно интересовал. Как откровение, как подтверждение его собственных невероятных догадок.

— Вашей темной госпоже.

Мортен рассмеялся.

— Если я был так хорош, зачем Ее Темнейшеству возвращать меня обратно?

— Чтобы подарить вам жизнь, полагаю, — усмехнулся Светлейший. — Вам удалось невозможное, и я рассчитываю, что вы доведете свое дело до конца.

— До *чьего* конца?

От такой постановки вопроса магистра Октавира передернуло, но Светлейший лишь тонко улыбнулся.

Руины храма Неназываемого не успели сильно преобразиться, разве что потолки теперь подпирали деревянные балки, а груды камней лежали упорядоченнее. Точнее так, чтобы можно было протиснуться к любому из выходов гробницы.

Ани не требовалось ни сгибаться, ни обходить бесполезные ныне камни: силы в них больше не было, как и смысла. А потому она закончила то, что не успел сделать Неназываемый: обратила бесполезный мусор в прах, толстый слой которого тут же скрыл не утратившие блеска мраморные плиты.

— Кто здесь? — знакомый голос вырвал Ани из раздумий. Она моргнула, выходя с границы в реальный мир, и кивнула такому же одинокому подопечному. Разве что выглядела девушка лучше потомка Светлейшего: ни недосып, ни волнение, ни голод не могли отразиться на ее лице, а вот на простом человеке...

— Ты так стремишься попасть в Лабиринты? — тихо спросила Ани, присаживаясь на пол. Пыль под ее взглядом пришла в движение, расступаясь перед повелительницей мрака. Девушка довольно хмыкнула: форму академии чистить не придется.

— Порой мне кажется, что я уже стою на пороге, — признался ее постаревший от скорби собеседник. Если бы Ани не знала его истинного возраста, решила бы, что встретила старика.

— Тебя я бы встретила лично, — призналась девушка, пожимая плечами и испытывая странное желание прикоснуться к убитому горем подопечному. Хотела утешить? Или чтобы утешили ее саму?

— Значит, этот момент настал? — Он не стал подниматься, не стал угрожать или просить. Даже головы в ее сторону не повернул, отдавая все свое внимание

запорошенному прахом полу. И Ани не нужно было вспоминать, чтобы понять: именно там стояла талиари, когда пламя пожирало ее воплощение.

— Еще нет. — Ани плавно поднялась и обошла подопечного неполным кругом, остановившись напротив него. — Ты не выполнил свое обещание. И я не заберу тебя, пока оно довлест над тобой.

— И я смогу жить вечно?

Губы принца дрогнули в какой-то безумной усмешке.

— Едва ли это можно назвать жизнью. — Ани вернула собеседнику его усмешку. — Скорее муками вечного одиночества.

— Таков наш удел? — Валиар поднял на нее полный бессилия взгляд.

— Тебе далеко до богов. Людям свойственно находить компанию даже на пороге гибели, а кому-то и по ту сторону жизни.

— Ваша слуга... — правильно понял принц.

— И твой друг, — подтвердила Ани. — Их ничего не остановило, а ты сидишь здесь в окружении невидимых могил и скорбишь о том, чего не терял.

— Отец не поддержал моего решения, — признался Валиар.

— Но разве он тебе что-то запрещал? — уточнила Ани. — А даже если и так, разве имеет значение чужое мнение, когда ты давал обещание перед богами? Ты будешь помнить о ней вечно, но можешь ее вернуть. Не всем выпадает такой шанс.

Взгляд принца стал мрачным, как у заключенного перед казнью.

— Я должен...

— Даже богам ты должен меньше, чем самому себе, — отрезала Ани. — Твой отец еще не стар, твоя се-

стра сможет его поддержать. А ты будешь обречен, если сейчас откажешься от себя. — Девушка поморщилась. — Знаешь, сколько попадает в Лабиринты из-за отчаяния, сомнений и ненужного смирения? Редко их жизнь длится дольше пары лет, но тебе я обещала. Вот только даже по ту сторону жизни они не находят спасения. Призраки прошлого раз за разом предстают перед ними. Они бегут от них и уходят все дальше в дебри Лабиринтов, где кошмары реальнее их самих, а мучавшее их воспоминание повторяется снова и снова, сводя с ума. Это хуже проклятия.

— Очевидно, вы правы, — позволил себе горькую усмешку Валиар.

Ани промолчала, предпочитая не видеть в словах подопечного намек, хотя он явно и напрашивался.

— Иди уже, — отмахнулась она. — И не спрашивай у отца позволения, за свою жизнь ты отвечаешь сам.

Принц поднялся, прошел пару шагов, но остановился и задал мучивший его вопрос:

— А зачем вы пришли сюда? — Ани поджала губы, всем видом показывая, что смертный лезет не в свое дело. — Меня вы выгоняете, но сами пришли сюда же. На осколки прошлого.

— Тебе пора ругаться с отцом, — прозрачно попросила уйти Ани, отворачиваясь. Права требовать у нее объяснений или пытаться понять у этого потомка коллеги не было. Ни у кого не было, кроме... Уже ни у кого.

Ани потрянула головой и выставила чересчур любопытного принца подальше. Кажется, его должно было вынести где-то на городской площади, перед храмом предка, но, возможно, не совсем в презентабельном виде. Но тут уж сам виноват: задавать богам вопро-

сы — риск похлеще банковского заема. Никогда не знаешь, с какой стороны подберутся неприятности.

Ани поморщилась и, оставшись наедине сама с собой, тихо призналась в пустоту:

— Мне тебя не хватает.

Ответа не последовало. Но она и не затем сюда пришла: скорее, напротив — ей требовалось место, где никто не будет задавать вопросов или отвлекать ее своим присутствием, и бывшая тюрьма исчезнувшего бога подходила для этого лучше всего.

Люди предпочитали проводить свои исследования днем, а боги... Боги старались обходить это место стороной, слишком жирным оно было намеком на тот путь, который может быть уготован любому из них. Но Ани искала одиночества. Когда-то оно было ее сутью, когда-то, но не теперь... И даже зная, кому она обязана всем этим, отомстить было ей не под силу. Хотя теперь она отчасти понимала Уничтоженного: изменения, происходившие в ней по вине людей, не приносили ничего, кроме мук, а избавление от страданий — лучшая причина, чтобы уничтожить их источник.

Вот только она не безумна. Не настолько, чтобы пойти против Света, Войны и, — Ани хмыкнула, — Любви. И пусть уничтожить ее они не смогут, даже объединившись, мир грани стал слишком мал для нее. Особенно теперь, когда все, что у нее осталось, — смотреть издалека.

От несправедливости ситуации, от боли, что терзала ее с того самого момента, как она отказалась от своего по праву, все внутри затопила тьма. Мгновение — и черное пламя, из которого она, казалось, сейчас полностью состояла, вырвалось наружу, уничтожая пыль, выжившие после битвы камни, остатки

ткани, не убранные службой безопасности. Не стало и артефактов на выходе, и тех, что считывали магический фон, мигнул и погас свет. Но, к счастью, ничего живого в гробнице не было.

А потому ни шагнуть на тропы Лабиринтов, ни услышать крик его Хозяйки никто не смог.

— Не иди туда. И остальным прикажи не искать источник.

Тонкие женские пальцы накрыли замершую в нерешительности руку. Ее обладатель — герцог Далиар Анвентар — нахмурился, но спорить с женой не стал. Отложил переговорный амулет и посмотрел на поднявшуюся к нему супругу, которая определено знала, почему среди ночи взвыли все сигнальные артефакты, отслеживающие магический фон.

— Почему?

— Вам всем еще рано бродить по Лабиринтам. Да, — Гретхен кивнула, подтверждая догадки мужа, — это госпожа. Даже покинув, — девушка горько усмехнулась, — службу, я не перестала чувствовать ее присутствие. Она в городе, в храме под столицей, и... ей больно.

— Не значит ли это...

— Нет, — не дала закончить супругу Гретхен, присаживаясь на подлокотник его кресла и пальцами касаясь его губ. — Если бы она хотела помощи — она бы пришла за ней. И, даже если она в ней нуждается, пока Хозяйка сама не признает этого, хотя бы для самой себя, для всех будет лучше ничего не предлагать. Только двум существам во всех мирах было позволено демонстрировать ей ее слабость. И оба теперь не с ней.

— Но город...

— Устоит. Если бы госпожа хотела уничтожить все живое, нам не пришлось бы вести этот разговор. К тому же никто из смертных не в силах ее остановить, а присутствия Светлейшего я не ощущаю. Значит, все под контролем.

— И я должен в это поверить?

— Ты уже веришь, — улыбнулась Гретхен. — А если и нет — иного пути нам все равно не дано.

Академия встретила Ани тишиной. Предрассветный час, самый темный и тихий, не нарушался даже одинокими шагами решивших похудеть адептов. Впрочем, пройдет еще с полчаса, и они потянутся к стадиону. Для Ани оставалось загадкой: где полусонные девы находят силы, чтобы заставлять себя проходить не только через измывательства мастера Зариса Риджеона, но и через свои собственные. А ведь им после десяти кругов бега предстояло еще попасть в душ, а после пройти через испытания учебного дня.

Дверь в их блок открывать не пришлось. Ани прошла сквозь нее, проскользнув по границе, как ее исконные обитатели и Тени. Недовольно поджала губы, заметив прикорнувшую прямо за столом Доминику. Видимо, слуга пыталась дожидаться ее вместо того, чтобы отдохнуть, но не смогла противостоять объятиям сна.

Ани хмыкнула и перенесла девушку на кровать, благо от нее это не потребовало больших усилий. Доминика что-то пробормотала во сне, но придавать значение сказанным спросонья словам, как и запоминать их, Ани не стала. Мало ли что видится девушке на рассвете, когда слабеет человеческая воля и потаенные страхи и желания выползают на поверхность. Сколько их таких остается в Верхнем Лабиринте — не счесть.

Соседняя комната пустовала. Вероятно, ее высочество отозвали во дворец. По крайней мере, Ани хотелось так думать, ибо в отсутствие наследника его обязанности должны были перейти принцессе. У нее, в отличие от второго сына императора, были и честь, и разум. На младшем же стоило поставить крест и отослать куда-нибудь подальше. А там он или сгинет, или немного поумнеет. Второй вариант, увы, был палкой о двух концах: ум порой достается не только союзникам, что бывает большой проблемой. Впрочем, решить ее придется смертным, в Лабиринт, сколь бы ни были умны люди, они все равно рано или поздно попадут.

— Вы вернулись? — хриплый голос Доминики врезался в размышления Ани. — Вы... ты в порядке?

— Называй как хочешь, — вместо ответа отмахнулась собеседница. Обида, вызванная недавними словами слуги, еще не прошла.

— Мне жаль. Правда жаль. — Шорох одеяла оповестил Ани, что девушка поднимается. Впрочем, она и так знала, что слуга не выдержала и робко, словно вела сама с собой спор, направляется к Ани. Та скосила глаза, ожидая, что победит: здравый смысл, заставлявший почти всех ее Теней обходить свою госпожу стороной, или... Или что?

— Что заставляет тебя так рисковать? — Ани отступила на шаг, оборачиваясь, и вперила в собеседницу требовательный взгляд. — Я зла, сердита, и отчасти в этом есть твоя вина. Законы выживания требуют держаться от меня подальше.

— А законы привязанности и благодарности — нет. — Улыбка у Доминики вышла печальная. — Для кого-то вы само зло, но для меня — начало действи-

тельно моей жизни. И я... благодарна. За то множество шансов, что вы... ты мне дала. И пусть я никогда не смогу отплатить за доверие, но сделаю все, что в моих силах, чтобы оправдать его.

— Твои слова разумны для слуги, — согласилась Ани, — но действия все еще нет. Как ты оправдаешь мое доверие, если умрешь от моего же гнева?

— Поступки друзей не всегда поддаются логике. — Доминика посмотрела прямо в темные глаза воплощения. — Вы дали мне шанс стать для вас чем-то большим, чем слугой.

— Ты его упустила. — Ани в раздражении отвернулась, но... не ушла. Просто не знала другого места, где ей было бы спокойнее. Только сжала пальцы в кулак, почувствовав, что слуга стоит у нее за спиной, и не желая даже случайно ее ранить, если сила вновь начнет рваться наружу. Увы, в отличие от остальных своих собратьев, Великие очень быстро восстанавливались, точнее — они просто не могли исчерпать весь тот поток чужой веры, что составлял их суть.

— Пусть так. — Доминика накрыла теплыми ладонями холодный кулак Ани. — Но я все сделаю, чтобы вернуть то, что было.

— Это бесполезно. — Ани вырвала руку. — Моя роль давно предопределена. Есть только один способ приблизиться ко мне. — Она хмыкнула, зло и горько одновременно. — Умереть. Но я вам этого не позволю! — Взгляд Ани упирался в Доминику, но смотрела она куда-то сквозь нее, словно говорила с кем-то, кого слуга не могла ни рассмотреть, ни почувствовать. — Все вы будете жить. Долго и счастливо. Или несчастливо, но долго. На что хватит вашей выдумки.

— Даже если кто-то из нас захочет иначе? — вопрос произвольно сорвался с губ Доминики.

— Кто-то добровольно захочет умереть? — Губы Ани исказила ухмылка. — Смерть пугает людей — и это правильно. Это конец всему, всем вашим чаяниям и надеждам, вечный кошмар, из которого нет пути назад.

— Замок не показался мне таким местом.

— Замок — не Лабиринт, — скупо бросила Ани. — Ни одно порождение тьмы не способно противостоять мне, потому мы их и не встретили. Но тому, кто решит пройти Лабиринт в одиночку, придется приложить все усилия, чтобы не стать его добычей.

— Но ведь ваши Тени могут провести душу, минуя порождения Лабиринта.

— Могут, — кивнула Ани. — Но не станут этого делать для тех, кто не ценил жизнь. Тот, кто шагнул в Лабиринт по собственной воле, пройдет его сам. Или не пройдет.

Доминика замялась, не зная, что ей ответить на внезапную откровенность Хозяйки Замка. Ани же... не собиралась продолжать эту тему вовсе. Ей было неприятно думать, что ее Морьен мог просто исчезнуть, поглощенный кем-то из обитателей Лабиринтов, но часть ее сокрушалась, что этого не произошло. Ведь если бы они никогда не встречались...

Услужливая память не пожелала успокаивать свою хозяйку, напоминая, что предшествовало появлению Морьена на ее пути. Тогда он стал ее спасением, теперь — она вернула ему долг. Пусть так, боги умеют быть благодарными, хотя и способны об этом жалеть.

В кармане форменной куртки завозились, требуя внимания. И Ани пришлось сунуть палец и почесать

под мордочкой расшалившегося котенка. Достаточно умного, чтобы не демонстрировать своего присутствия во время гнева хозяйки.

— Вы не расскажете мне о нем? — ухватила за возможность сменить тему Доминика, но по тому, как помрачнело лицо собеседницы, поняла, что вновь ошиблась. Впрочем, Ани не стала скрывать.

— Это его дар, — хмыкнула девушка. — В обоих смыслах слова.

— Значит, Морьен умрет? — удивленно выдохнула Доминика. — Ведь маг без дара жить не может.

— Он — сможет, — слишком уверенно, чтобы слуга позволила себе дополнительные вопросы, ответила Ани и с неудовольствием отметила, что котенок начал наглеть, пытаясь не допустить исчезновения ее пальцев. — Слишком наглый, — с грустью и отчасти удовлетворением заметила девушка, доставая пушистый черный комочек и демонстрируя слуге. — Теперь он живет с нами.

— В академии нельзя держать животных, — напомнила Доминика.

— Сомневаюсь, что кто-то рискнет мне об этом сообщить. Впрочем, даже если и рискнет, он все равно имеет мало общего с настоящим животным. — Словно в ответ на ее слова, котенок вздернул голову и, прищурившись, укусил хозяйский палец. Намекнул, дескать, от обычного кота он не так уж далеко и ушел. — Так легко и без хозяина остаться, — усмехнувшись, предупредила Ани и задумчиво проговорила: — Звать тебя Мором? Но ты — не он.

— Не Мор? — уточнила Доминика, и Ани охотно кивнула, ухватившись за неожиданную подсказку.

— Немор, Нем. И ведь ты действительно не можешь ответить, — протянула Хозяйка уже не только Замка и его обитателей, но и своенравной пушистой живности. Своенравной, ибо, презрев предупреждение, котенок протяжно замыкал, намекая, что его пушистая мрачность ни на секунду не усомнилась в своем праве требовать особого отношения.

— А чем его кормить? — решила все же уточнить Доминика прежде, чем предлагать новому обитателю их комнаты подношения из столовой.

Ани задумчиво посмотрела на дернувшего ушами котенка и призвала огонек тьмы на пальце. В доли секунды мелкий пушистик продемонстрировал, что и черное пламя может быть съедобным, если его правильно кусать. Расправившись с угощением, Нем сыто заурчал и свернулся клубочком, свесив с ладони хозяйки хвост. Ани почесала оттопырившийся животик и уже в следующий момент почувствовала себя в плену. Вокруг указательного пальца обвилось все тщедушное тельце, но, видимо, Нем здраво оценил свои весовые возможности, поэтому попробовал хозяйский палец и на зуб.

— Вредитель, — проговорила Ани, сама удивляясь своей отходчивости. Прямо на ее глазах ее палец атаковали, и ей, казалось, это даже нравилось. Хмыкнув, девушка вновь сгрузила мелкого паразита в карман, правда, теперь во внутренний, позаботившись о том, чтобы его темномагическая пушистость находилась на границе между реальным миром и ее владениями.

— Он в порядке? — озабоченно уточнила Доминика, наблюдавшая, как исчезает под одеждой котенок, а после и бугорок на месте, где он должен был находиться.

— Лучше многих, — хмыкнула Ани, чувствуя, как пушистик осваивается и с удовольствием впивается в нее когтями. Еще бы ему не получать удовольствия: если бы Морьен мог сейчас вернуть свой дар, заметил бы, насколько тот окреп, находясь в постоянной близости от Ани. — Приведи себя в порядок, — вернув свое внимание слуге, посоветовала Хозяйка Замка. — Сон за столом не лучшим образом отразился на тебе. Наши соседи вновь отсутствуют, так что успеешь привести себя в порядок перед завтраком.

Доминике оставалось лишь молча кивнуть. А Ани... Ани улыбнулась и, заслышав шаги в коридоре, решила присоединиться к паломничеству на стадион. Нет, не бегать — смотреть, как другие работают, и проверить, настолько ли это прекрасное зрелище, как говорят.

Увы, зрелище ее не удовлетворило, хотя иные зрители остались довольны. Правда, они наблюдали за бегом своих сокурсниц с дальних подступов, чтобы девушки не обиделись и не наградили подглядывающих каким-нибудь классическим проклятием, а то и благословением. Избавиться от последних, поговаривали, было куда сложнее, но, к сожалению, сей способ мести был доступен лишь светлым.

— А почему не с ними? — поинтересовался какой-то смертник, подбираясь ближе и плюхаясь на соседнее с Ани место. Судя по появившимся на форме нашивкам, светлый старшекурсник решил приобщиться к прекрасному.

Ани покосилась на ожидавшего ответа парня и, усмехнувшись, промолчала. Подумала, поднялась и направилась к выходу.

— Эй, я не это имел в виду! — бросился ей вдогонку неожиданный собеседник. — Просто поговори со мной. Я же вижу, тебе это нужно. — Ани остановилась на лестнице и смерила запыхавшегося старшекурсника ехидным взглядом, так и говорившим, что уж ей-то беседы со светлыми без надобности. — Хорошо, это мне нужно. Милош, — представился светловолосый, отдышавшись и выпрямившись. — Давай поможем друг другу. Ты мне о своих проблемах расскажешь, поделишься, и я попробую тебе помочь.

— Просто так? — ехидно вздернула брови Ани.

— Не просто, — признался светлый. — Мне курсовую писать нужно. По психологической помощи.

— Поэтому ты решил на стадион явиться с утра пораньше?

— А где еще мне искать людей с низкой самооценкой, но способных рационально мыслить и работать над собой? — хмыкнул парень. — А здесь такие точно имеются.

Он кивнул на несдающихся бегуний. Ани покосилась на вспотевших, но упорно двигающихся к цели сокурсниц и была вынуждена согласиться по крайней мере с частью его утверждений: усердия адепткам было не занимать. Напротив, они сами с кем угодно могли им поделиться и, судя по тому, что ряды их ширились, так и делали.

— А ко мне зачем пристал? — нехорошо прищурилась Ани. — Предлагай свою помощь им. Я собой абсолютно довольна.

— И зачем тогда пришла сюда? — не сдавался светлый.

— С тобой поговорить, — огорошила парня Ани и продолжила свой путь вниз, пока светлый пытался

понять, что кроется за ее ответом: пророческий дар или простое ехидство.

Как бы то ни было, настроение Хозяйке Замка светлый неожиданно поднял. Правда, ровно до того момента, пока она не вспомнила другого любившего вмешиваться не в свои дела человека. Но если у светлого хотя бы оправдание было — курсовая и общая пришибленность жаждой помогать ближнему, что, верно, закладывалась в момент рождения, — то у темного, пришедшего ей на ум, подобного атавизма быть не должно было.

Стоит ли говорить, что в общежитие Ани возвращалась раздраженная и оттого рассеянная. Один из ее слуг, прибывший на служение из мест жарких и песчаных, как-то сравнил свою госпожу с носорогом. Очень тихо сравнил, чтобы та не услышала, но остальные слуги с ним согласились: когда у госпожи было плохое настроение, ее рассеянность становилась не ее проблемой, а того, кто вовремя не успел убраться в сторону. Увы, знали об этом лишь обитатели Замка.

— Осторожнее.

Ани моргнула и с удивлением обнаружила, что прямо перед ней, правда, теперь немного сбоку, удерживая ее за запястье, стоит смертник. Точнее, стоял бы смертник, если бы не одно но. Убить его она не могла. Ни она, ни кто другой из сущностей. А блондин только усмехнулся в ответ на ее потемневшие от гнева глаза.

— Что. Ты. Здесь. Делаеть? — Она бы и по слогам сказала, но не хотелось выглядеть ученицей храмовой школы, так и не освоившей речь.

— Решил присоединиться, — развел руками высокий блондин, слишком молодой для излюбленного воплощения светлого бога.

— Сейчас это мой город, — нехорошо прищурившись, напомнила Ани.

— Я знаю. И мешать тебе не собираюсь.

— Одно твоё присутствие мешает.

— Увы, — мужчина хмыкнул, — но я вынужден остаться. Долг крови требует моего присутствия.

— Карин? — вздернула брови Ани. — Она и без тебя справляется прекрасно. Да и сейчас она отсутствует. Вернулась во дворец, если мои предположения верны.

— Отчасти да. Мальчишка все же решился покинуть город, — прислушавшись к чему-то, сообщил Кардалис.

— Ему это необходимо. — Ани поморщилась и вырвала свою руку из чужих пальцев. Раз уж Валиар рискнул последовать её совету, следовало позаботиться, чтобы путешествие не вышло ему боком. Пусть кто-нибудь из Теней присмотрит...

— Как и тебе, — заметил светлый и разжал пальцы. Ани не сдвинулась с места: зло взглянула на собеседника и ухватила уже его за запястье, не давая уйти. Хотя Далис сделал первый шаг в противоположном от неё направлении.

— Если ты посмеешь вмешаться в его жизнь!.. — Угрозы в голосе Ани было хоть отбавляй. И она бы определенно удивилась тому, насколько её задело присутствие светлого коллеги и его слова, если бы все не застилал гнев.

— Он отказался, — оборвал её Далис. — Хоть я и предложил ему светлый дар взамен утраченного, но нет — твой слуга остался верен тебе и уйдя со службы. Это достойно награды.

— Он её уже получил.

— Возможно, — не стал спорить собеседник. — Но мне казалось, лучшее, что мы можем сделать для своих слуг, — дать им свободу выбора.

— Он ее и получил.

— Поэтому оставил часть себя у тебя в руках? — Далис смотрел ровно на зашипевшего от такого внимания котенка. Пушистик чувствовал, что хозяйке присутствие чужого не нравится, и всем своим видом — от выпущенных когтей до вздыбленной шерстки — выражал полную солидарность.

— Это было его решение. Та самая свобода выбора, о которой ты так радеешь, — растянула губы в улыбке Ани и предупредила: — Это мой город, я пришла сюда первой, и места в нем для тебя нет.

— Для Кардалиса — да, ты в своем праве, но я ведь могу немного побыть и человеком. Это бодрит, знаешь ли. — Блондин потянулся, расправил плечи и наградил сердитую собеседницу снисходительной улыбкой. — Считаю, я решил отдохнуть немного от дел. Свита справится, а я освежу в памяти последние достижения колдовского искусства. И, пока не забыл... — Далис лучезарно улыбнулся, словно это его воплощение подрабатывало на базаре, — на моих занятиях все равны.

Его рука прошла сквозь сжатые пальцы Ани, рассыпаясь сотнями ярких песчинок и собираясь вновь.

— Не опаздывай, — предупредил светлый и ушел как ни в чем не бывало. Ани провожала его взглядом до самых ворот, а после — продолжила свой путь. Но теперь он лежал не в общежитие, а в главный корпус, к расписанию, где, судя по довольному лицу коллеги, наместились изменения.

Изменившиеся строчки заставили ее прикрыть глаза, чтобы пережить секунды гнева, когда все вокруг те-

ряло свою значимость и хотелось лишь одного — напроочь стереть источник раздражения, не думая о последствиях. Но, увы, позволить себе подобное Ани не могла. Далис уже покинул город — она больше не чувствовала его присутствия, а срываться на академии... Ей здесь еще отвлекаться от скуки, хотя, казалось, последней в ее жизни больше не осталось. Особенно теперь, когда напротив основ целительства стояло незнакомое имя — Альбин Кентор.

Она хотела было уже уйти, когда почувствовала приближение посторонних. И пусть часть из них она знала, попадаться на глаза бывшему слуге не хотела, а потому шагнула на грань, исчезая из поля зрения спускавшихся по лестнице магов и... Морьена. Заставить себя называть его другим именем она не могла. Для нее он так и остался Мором, даже сейчас, когда другая шла с ним рядом, положив ладонь на сгиб локтя, и о чем-то щебетала, не смущаясь присутствия двух магистров и Кириана. Аркант хмурился, словно исполнение его желания не принесло удовлетворения. Маленвер также был задумчив, но если его коллега прислушивался к беседе родственницы и друга, то менталист будто бы отсутствовал здесь, полностью погруженный в свои мысли. Один лишь Кириан был просто сердит, и причина тому шла прямо перед ним, облаченная в черное и раздраженно морщившаяся от пристального внимания стража. И в иной ситуации Ани не постеснялась бы уточнить, что послужило камнем преткновения между двумя ее слугами, но она не могла сдвинуться с места, с всепоглощающей тоской наблюдая за Морьеном.

Он не выглядел счастливым. Даже теперь, будучи живым, он как две капли воды походил на прежне-

го себя, словно принял тяжелое решение и обязан следовать ему до конца. Но ведь она дала ему возможность снова жить, снова быть собой, снова быть счастливым?!

Ани смотрела вслед удаляющейся компании и не могла понять: в чем была ее ошибка?

— Нужно время, — наконец проговорила Хозяйка Замка. — Скоро все изменится, — убеждала она себя, но в глубине души теплилась отчаянная, не признаваемая ею надежда, что она ошибается.

Пожалуй, Ани была единственной, кто не удивился, не обнаружив на привычном преподавательском месте пожилого светлого. Для остальных же замена была пусть и ожидаема — ознакомиться с расписанием успели многие, — но не настолько. Это воплощение Светлейшего было слишком молодым для почетного звания архимага, но именно оно числилось под его именем и вселяло трепет в сердца светлых, кто собирался связать свою жизнь с целительством. Темные же приуныли: для многих до сих пор непреодолимым препятствием на пути к постижению себя было просто присутствие полярных по дару коллег, а уж когда целый архимаг ворожить будет... темная часть потока заранее уныло таращилась кто в стену, кто в окно, а кто и в потолок. Ани была солидарна со вторыми: пейзаж за окном требовал ее незамедлительного внимания. Как-никак листья начали облетать, намекая на приближение зимы и сессии, хотя думать о последней начали пока лишь старосты и несколько особо ответственных адептов, в числе коих была и Доминика.

В нетерпении девушка закусила перо, а потому так и застыла, выпучив глаза, когда дверь аудитории рас-

пахнулась и пред выжидающие очи первокурсников ступил молодой красивый — судя по волне вздохов со стороны светлых адептов — мужчина, в самом расцвете карьеры и сил.

Ани хмыкнула, обводя пренебрежительным взглядом враз расправивших плечи дев, расплывшихся в своих лучших улыбках. Ни одна из них, как ни старайся, не могла посоперничать ни в красоте, ни в умении держать себя с покойной императрицей, изменившей мужу со Светлейшим и наградившим династию Великим покровителем. Впрочем, Далис и не собирался никого сравнивать или осаждать: напротив, улыбка светлого словно задалась целью достигнуть каждого. Только не каждый был ей рад.

Ани поморщилась и отвернулась, вновь переводя взгляд на деревья вне аудитории и отстраняясь от происходящего в ней. Локоть Доминики, ткнувший ее руку, стал для нее неожиданностью. Девушка перевела взгляд на слугу, но та только косила глазами на молчавшего преподавателя, в то время как адепты, кто с интересом, кто с затаенным злорадством, смотрели в ее сторону.

— Прошу прощения, но я не расслышала вопрос, — честно призналась Ани, награждая коллегу взглядом полным осуждения. Но Далис не проникся, и, едва стих нервный ропот аудитории, поднял правую ладонь, призывая к порядку, и заметил:

— Я просил вас продемонстрировать все изученные к настоящему времени виды перевязок. Прежде чем переходить к более энергоемким способам купировать повреждения, мне необходимо убедиться, что все из вас освоили основы. В конце концов, все из нас люди и должны в первую очередь полагаться на соб-

ственные возможности, а не на полученную взаимы силу. Выбор пал на вас.

Усмешка светлого была до того ехидной, что сомневаться в неслучайности выбора не приходилось. Ани. Остальные лишь в очередной раз убедились, что их сокурснице на роду написано привлекать преподавательский взгляд. Ведь даже новый преподаватель из сотни вариантов выбрал тот единственный, который никого уже не удивлял.

Ани покосилась на Доминику, и та с готовностью поднялась, понимая, что демонстрация невозможна без партнера.

— Нет, моя дорогая, — остановил ее Далис. — Я не в праве заставлять вас терпеть неудачные попытки сокурсницы, потому возьму на себя эту роль.

Неодобрительно-завистливый стон пронесся по рядам. Теперь на месте Ани хотели оказаться многие, даже если заплатить за право прикоснуться к новому объекту обожания придется неудом.

— Смелее, — подбодрил спускавшуюся коллегу Далис, за что был бит. Не в реальном мире, разумеется, но гнев Ани он почувствовал сполна. Даже челка слегка заколебалась, когда по границе пронесся ураган беснующейся силы. Впрочем, оба бога помнили о том, где находятся, потому в реальный мир просочились крохи, добавляя адептам обоих направлений энтузиазма.

— Конечно, — оскалилась девушка и спустилась с последней ступеньки амфитеатра. Бинт, казалось, сам скользнул ей в руки, и, чуть размотав его, Ани улыбнулась. Оценила, какой прочный ей достался перевязочный материал, и, на мгновение забыв, что на них направлены взгляды замерших в предвкушении ее

позора адептов, перехватила бинт совсем не так, как полагалось для перевязки, скорее для иммобилизации. Окончательной и бесповоротной.

— Вас и бинт держать не научили? — притворно удивился Далис. Ани разжала пальцы, взглядом давая понять коллеге, что думает о его играх.

Увы, как она ни старалась, доставить серьезных проблем воплощению не смогла. Даже вырванные волосы коллега ей благодушно простил, лишь заметив во всеуслышание, что данной адептке еще практиковаться и практиковаться, и лучше на ком-то бесчувственном и бессознательном, тогда больше шансов сохранить собственную шевелюру в неприкосновенности.

Услышав такое, Ани мстительно выдрала еще пару волос, с удовлетворением отмечая, что сокурсницы пропускают слова нового преподавателя мимо ушей, а вот за местами, куда падали невинные жертвы ее раздражения, смотрят внимательно и почти с любовью. Определенно, в уме просчитывая, сколько придется заплатить за зелья привлекательности и нельзя ли будет задействовать тяжелую артиллерию. Все же волосы — штука куда более надежная, чем ложечка.

К всеобщему разочарованию, светлый не отличался рассеянностью и, когда Ани закончила издеваться над волосами ни в чем не повинного воплощения, щелчком пальцев уничтожил все изъятые ею частицы тела. Все, кроме одного пучка, который мстительная коллега не стала сбрасывать на пол, удерживая в пальцах, и теперь купалась в обожающих взглядах сокурсниц. Сомневаться в том, что скоро начнутся торги, не приходилось.

— Благодарю за демонстрацию, — поднимаясь со стула, на котором ему пришлось вытерпеть экзеку-

цию, заметил светлый. — Теорию вы знаете, а над практикой еще следует поработать. Пока вас можно выпускать лишь на поле боя: раненные едва ли поймут, какие травмы нанесли им враги, а какие остались после вас. Впрочем, ваши коллеги за ближайшие пять лет, полагаю, смогут изменить ваш подход к делу.

Первые ряды передернуло: это наблюдать за мучением ближнего порой весело, но даже представить, что подобным образом могут обойтись с тобой, — тут уж желающих не оказалось, и на Ани посмотрели с тревогой и осуждением.

— Скорее им придется не попадать в ситуации, когда может понадобиться моя целительская помощь, — хмыкнула девушка. — Больше мотивации никому не повредит.

— Не могу не согласиться, — усмехнулся светлый и перевел внимательный взгляд на аудиторию. — Отряд, к которому прикрепляют целителя-недоучку, обычно приходит с минимальными потерями.

— И потери эти — целитель, — пробормотал кто-то себе под нос, но из-за повисшей в кабинете тишины его голос услышали все.

— Верно, — не стал спорить светлый и добавил: — Поэтому, если хотите во время практики дожить до ее конца, тренируйтесь в академии. Это спасет и вас от расправы, и ваших подопечных от мук совести.

Сказать, что слова преподавателя вызвали оторопь среди неподготовленного светлого отделения, значило многозначительно промолчать. Темные же понятливо кивнули, прекрасно понимая, что в случае какого-либо происшествия выживет не самый честный и добрый, а зачастую везучий и прагматичный до подлости, не пожелавший жертвовать собой ради

абстрактных высших целей. А там и целителем можно поступиться. Разумеется, после того как тот свой «долг» исполнит и станет для отряда бесполезным. До тех пор можно и потерпеть немного.

— Продолжим, — выждав, пока удивление его словами схлынет, сказал Далис и предупредил: — На следующем занятии будет первый зачет по иммобилизации. Два теоретических вопроса и практическое применение повязки из первого вопроса.

— А второй теоретический момент?

— Будет для вас сюрпризом, — отрицательно покачал головой мужчина и распорядился: — Открываем конспекты. Оставшееся время уделим лекции. Записываем: «Основные виды стабилизирующих заклинаний...»

Под мерный скрип перьев Ани зевнула и, благодарно кивнув Доминике, подсунувшей ей чистую тетрадь и чернильницу, заскрипела вынутым из-за уха пером.

Пара по целительству была последней на сегодня, а потому никто не торопился: и преподаватель, верно, решивший войти в положение истощенных после стадиона адептов, и адепты, у которых сил практически не осталось. Впрочем, что было огромным плюсом, все дошедшие до аудитории слушатели не успели истощить свой дар. С другой стороны, у темных возможности для этого не было — вместо Арканта всю первую пару с ними провел магистр Теренсий. И пусть его предмет тоже был опасен для жизни — по слухам, именно после истории магии адепты попадали к целителям с вывихом челюсти, — он никак не сказывался на даре, разве что на уровне самообладания. Впрочем, испытаниям подверглись не все: Ани магистр Теренсий выгнал на первых минутах, и та,

нисколько не обидевшись, провела всю пару на скамейке в коридоре, разглядывая портреты великих магов и припоминая, чем каждый из них отличился в Лабиринтах.

— Можете быть свободны, — за несколько минут до удара колокола заметил Далис и, несмотря на вероломное лишение адептов своих волос, стал, кажется, любимейшим преподавателем всего потока: чем сильнее в памяти стирался первый учебный день, тем больше адептов посещало столовую. Да и там, увы, действовало правило: первым ест тот, кто может себе это позволить. Логично предположить, что первокурсники, за редким исключением, вынуждены были пропускать к раздаче старших, лишая себя сладкого и наиболее вкусного.

— Ани, задержитесь. — Слова светлого вызвали волну смешков, которые, впрочем, быстро исчезли вместе с их создателями. Еще бы, выбирая между насмешками над ближним и свежими булочками, адепты сделали правильный выбор.

— Я позже присоединюсь, — отпустила Доминику Ани. Та, помедлив и смерив светлого подозрительным взглядом, кивнула и ушла, плотно притворив за собой дверь. — Хочешь, чтобы я еще немного проредила твои лохмы? — вздернув брови, предположила Ани, усаживаясь на парту и закидывая ногу на ногу.

— Обойдусь и без этого сомнительного удовольствия, — снисходительно усмехнулся светлый, провел ладонью над пострадавшей шевелюрой, возвращая ей прежнюю роскошь. Одновременно с этим белое пламя попыталось лишить Ани трофейного пучка, но безуспешно. Едва вспыхнув, белые огоньки зашипели и погасли.

— Мое, — покачала головой девушка. — Компенсация.

— Не заметил, чтобы ты так уж пострадала.

— Моральный ущерб, — пожала плечами Ани и прищурилась. — Так зачем ты решил продолжить традицию, оставляя меня после пар?

— Решил не выделяться на общем фоне. Раз уж, как ты сама заявляешь, это традиция, коей следует придерживаться каждому из преподавателей.

— Мог бы ее и нарушить, — поморщилась девушка.

— Традиции дают нам силу, — напомнил светлый, присаживаясь рядом и полностью копируя позу девушки.

— А людей лишают свободы, — хмыкнула Ани. Далис предпочел промолчать.

Они так и молчали. Минуту, две, три, четверть часа. Задумчиво вперившись в пустоту и не говоря ни слова. Коллеги, соперники, приятели?..

— Тебе не следует здесь находиться. Уйди, — попросила Ани тихо.

— Как-нибудь потом, — отозвался мужчина и добавил, вызывая в собеседнице стойкое желание поспособствовать быстрой кончине коллеги: — Когда ты не будешь нуждаться в моей помощи.

— Она и сейчас мне не нужна, — резко заметила Ани, рывком соскакивая с парты и поворачиваясь к Далису. — Вы с Каалисом так жаждете мне «помочь», что я начинаю беспокоиться: не хотите ли вы занять мое место.

— Это невозможно, — прикрыв глаза, напомнил Светлейший. — Смерть — такая же часть жизни, как и рождение. Даже более предопределенная, поэтому лишить тебя сил не выйдет ни у кого из нас. За это можешь не волноваться.

— Я не волнуюсь, — холодно ответила Ани. — Я злюсь.

— Поэтому я и должен быть здесь. Я слишком хорошо знаю, как нам бывает больно и тяжело справиться с собой. А рисковать этим городом, своим потомком и последователями я не намерен. И в этом я в своем праве. Тебе придется это принять.

Последние слова мужчина говорил уже в пустоту. Покачал головой, лишний раз убеждаясь в правильности своего решения, и вернулся за кафедру. Колокол уже прозвучал, и следовало подготовиться к следующей паре. В отличие от первого курса, занятия у старших начинались после обеда.

В общежитии Ани уже ждали. И нет, не Доминика, хотя слуга и чувствовала, что ее госпожа снова не пожелала навещать столовую. У подножия лестницы, игнорируя взгляд светлого коменданта, стояли три девушки-первокурсницы: две светлые и одна из стихийных магов. Заметив приближение Ани, все трое подобрались, как перед ударом, но были остановлены быстрым:

— В душе поговорим, — бросила Ани, первой взбежав по лестнице. Покупательницы не стали ерничать и послушно пошли за ней. Процесс купли-продажи не занял много времени: долго находиться вчетвером в тесной кабинке желающих не нашлось. Другие же места не отличались уединенностью — не в туалет же было всем набиваться, скрываясь от любопытства кураторов.

Зато на выходе Ани уже ждали. Алиас Брандт отделился от стены и, проходя мимо, бросил тихое:

— Дела со светлыми до добра еще никого из нас не доводили.

— Я знаю, — кивнула ему Ани и заверила: — Вся ответственность будет лежать на них.

— Надеюсь, — протянул темный комендант и сообщил: — Магистр Аркант ждет вас через час в своем кабинете. На пересдачу.

— Благодарю за сообщение.

Темный улыбнулся.

— Удачи. Магистр не в лучшем расположении духа. Кириан не упускает случая вызвать его в управление, хоть и знает, как магистр любит бумажную волокиту.

— Все мы неидеальны, — хмыкнула Ани и добавила: — Пойду повторю конспект, не хочется злить куратора еще больше.

Алиас одобрительно кивнул, но не ушел. Вероятно, решил оказать услугу коллеге и провести разъяснительную беседу и с его подопечными. А там и до конфискации чужих волос, проданных с чудовищной наценкой, того и гляди дойдет.

Нет, все же боги на стороне Светлейшего.

Ани неодобрительно качнула головой и поспешила скрыться за дверьми своего блока. Царившая здесь тишина и полное отсутствие посторонних дарили Ани умиротворение. Она упала в кресло их общей гостиной, закрыла глаза, отрешаясь от мирского шума, но не стала уходить на грань. Увы, на границе, как и в собственном замке, для нее было куда больше звуков, чем здесь, за закрытыми дверьми.

Вернувшаяся Доминика на цыпочках, стараясь не потревожить госпожу, прошла в их спальню и уселась за столом, полностью отдавая себя учебе. Ани не нужно было видеть, чтобы знать: ее подопечная, покусывая перо, размышляет над эссе для магистра Маленвера. Увы, менталист любил выворачивать мозги

адептам не только во время занятий, но и после них, заставляя ковыряться в собственных поступках и причинах, на них повлиявших.

Правда, Ани сомневалась, что маг читает адептские опусы, так как сама она сдавала чистый лист, сложенный вдвое, или с одним единственным словом — «хочу». Впрочем, раз за разом наблюдая, какой серьезной становится Доминика, а после — как расслабляются ее плечи, словно сбросившие непомерную тяжесть, Ани и сама начала думать о том, чтобы отнестись к заданию по-людски.

Час пронесся быстрее, чем она того хотела. И, взглянув к Доминике, чтобы убедиться, что та все еще корпеет над эссе, Ани направилась в главный корпус.

Коридор, как и холл, был пуст. Старшие курсы пропадали на занятиях, младшие — занимались домашним заданием, коменданты тихо переговаривались у себя. Правда, порой их вопли все же прорывали тишину, давая призракам шанс узнать, кто сегодня из магов будет дежурить ночью.

Холодный ветер всю властвовал в парке, срывая пожелтевшие листья и бросая их под ноги одиноким прохожим. Пожухшие, оторванные от ветвей и обреченные на медленное превращение в прах, они устилали дорожки. Шорох, с каким листья напоминали о себе, был подобен прощальной песне — последнему отголоску лета перед жестокой зимой.

Ани остановилась, неожиданно для самой себя находя приятное в будоражащем слух шорохе. Присела на корточки и, удивленно хмыкнув, подняла пару больших желтых листьев, еще не успевших расстаться с последними признаками жизни. Как некоторые из ее слуг, такие же выброшенные ей под ноги души,

всеми силами цепляющиеся за более ненужные привычки.

Проснувшийся Нем завозился в кармане, требуя внимания и еды.

— Потом, — бросила ему Ани, окружая темный комочек первозданной тьмой, отчего котенок сыто икнул и вновь растянулся в своем укрытии во всю длину. Да уж, не догадайся она вытеснить его на границу, кто-то бы обязательно заметил, как оттопыривается на ней форма.

Гул часов на главной башне ученического корпуса дал понять, что она опаздывает. И следующие несколько минут Ани, как нашкодивший ученик, стремглав бежала по мокрой плитке, чудом и собственным благословением ни за что не зацепившись. Мрамор оказался не столь благодушен, но девушка все же добралась до дверей кабинета куратора. Взлохмаченная, раскрасневшаяся, с растянутой, как ей показалось, лодыжкой, требовавшей посещения целителя, и жутко довольная.

— Вы опоздали, — заметил магистр, открывая дверь прежде, чем Ани успела постучать. Цепкий взгляд прошелся по всей ее фигуре, отмечая и порывистое дыхание, и красноту щек, и лихорадочно блестящие глаза. А уж когда Ани, припадая на левую ногу, прошла мимо него, раздражение темного исчезло, как и не было.

— Присаживайтесь, — приказал он, указывая на свое кресло, и Ани не стала спорить. Во-первых, ей было жаль свое воплощение, пострадавшее из-за нерадивой хозяйки, наслаждавшейся собственным опозданием. Во-вторых, стоило темному увидеть, насколько она торопилась, его взгляд смягчился и больше не казался родственником раскаленного железа, коим собирались клеймить преступника.

— Вам следовало быть внимательнее, — заметил магистр, касаясь холодными пальцами ее лодыжки. От Ани не укрылось, что он не просто поглаживал кончиками пальцев ее кожу, но и пытался избавить ее от боли и ушиба. И, видя такое активное желание ей помочь, девушка не могла ему сопротивляться.

— Я торопилась к вам, — призналась Ани, из-под полуопущенных ресниц наблюдая за лицом собеседника. Мимолетная улыбка тронула его губы, но в следующий миг исчезла как не бывало.

— Ваша тяга к знаниям весьма похвальна. Однако если она и дальше будет приводить вас к целителю...

— Отправите на курсы кройки и шитья? — нахмурившись, припомнила Ани их знакомство.

— Уж там вам делать точно нечего, — покачал головой темный, выпрямляясь, и усмехнулся: — Разве что пальцы вам лишние или у вас есть запасные?

— Увы, только эти, — не поддавшись на провокацию Ани и уточнила: — О чем я должна вам поведать, чтобы вы поставили мне отработку?

Лицо мага стало задумчивым. Он словно перебирал в уме вопросы, но совсем не те, что полагалось озвучивать первокурснице на отработке. Наконец он определился.

— Поведайте мне о Тенях нашей темной покровительницы.

— Но ведь это теология, а не основы работы с силой, — вздернув бровь, напомнила Ани.

— Межпредметные связи, — усмехнулся магистр и добавил: — Задание остается прежним.

— Что ж, — Ани склонила голову, — единственной Тенью, чье пребывание в данном статусе доподлинно известно, был его величество Аскольд Второй. Полу-